

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Участники спектакля «Еще одна жертва» приехали в совхоз имени Кирова без суфлера. Первым делом Ольга Николаевна Гулазян поинтересовалась, взяли ли с собой текст пьесы. Шестьдесят с лишним лет она играет роль Саломе, и все же боязно выходить на сцену, зная, что нет суфлера. Ей сказали, что текст привезен. Пока шел спектакль, помощник режиссера, невысокий юноша с голубыми и немножко лукавыми глазами, которого все называли Артюшей, стоял за одной из кулис с раскрытой книгой. Ольга Николаевна была спокойна.

Спектакль начался в десятом часу вечера—садоводы поздно кончают работу и собирались они медленно. Но когда раздвинулся занавес, в довольно вместительном зале Дворца культуры совхоза не было, кажется, ни одного свободного места.

Ольга Николаевна готовилась к выходу. Она присела на вынесенный для нее за сцену стул и вполголоса рассказывала мне о далеких днях своей молодости. Даже не молодости, а детства. Это было в 1900 году. Она участвовала в любительском спектакле и играла ту же самую Саломе, свою первую роль в жизни. Четырнадцать лет она сыграла сорокалетнюю женщину. Видимо, сыграла хорошо, потому что присутствовавший на спектакле автор пьесы престарелый Габриел Сундукян поздравил ее и предсказал большое артистическое будущее. Теперь она играет сорокалетнюю женщину, когда ей семьдесят шестой год. Взгляд ее устремлен на сцену, она почти не смотрит на меня, и мне кажется, что она не вся сейчас здесь, что большая часть ее там, на сцене. А может быть, еще дальше? Может быть, она унеслась мыслями куда-то далеко-далеко, и в голосах доносящихся в эту минуту со сцены,—грубого, деспотичного Саркиса-ага—Авета Аветисяна и тихой, забитой Барбары—Вари Степанян, в привычных и дорогих ее сердцу голосах ей чудятся другие, далекие, как ее юность, и тоже дорогие голоса тех, кто много лет назад разделил с ней радость ее первого сценического успеха, голоса тех, кого уже нет в живых, голос Габриела Сундукяна,

говорящий ей слова доброго напутствия... И я слышу ее глубокий вздох.

Но вдруг она прервала разговор на полуслове, как-то удивительно легко поднялась, будто вспорхнула со стула, расправилась, подтянулась и, легкая, статная, красивая, направилась к сцене.

Грим, костюм, парик—они делают чудеса. Но они не способны вернуть молодость. Они могут создать лишь ее подобие, иллюзию. Молодость или умирает с годами, или, что бывает реже, долго, невзирая на возраст, живет в артисте. Чудесная молодость Ольги Гулазян—это нечто редкое, феноменальное.

Я прислушиваюсь к чарующей музыке ее голоса, звонкого и прозрачного, как горный ручей. Голос ее так же непринужден и плавен, как ее походка. Он то нежен, то вкрадчив, то властен, то гневен. Подвижная, энергичная, волевая, лживая Саломе Ольги Гулазян то хитрит и лицемерит, и уста ее источают мед, то прикидывается беззащитной и несчастной, и тогда она плачет искренне и очень по-женски. А то вдруг сквозь благообразную внешнюю оболочку обаятельной, чуть-чуть кокетливой, хотя уже и не слишком молодой женщины прорывается ее волчья сущность стяжателя без совести и стыда. И этот стяжатель, этот волк торжествует в спектакле, торжествует, принес в жертву счастье родной дочери, торжествует в гадком хихикающем финальном смехе Саломе, которым Ольга Гулазян сопровождает ее слова под занавес, обращенные к Микаелу: «Так пожелай твой отец, сынок. Что же нам осталось делать?». И в который раз изумляешься тому, как правдиво, как до конца убедительно искусство Ольги Гулазян, этой живой славы армянского театра.

Зритель, рабочий зритель воздал должное этому искусству. Он воздал должное мастерству и другим участников этого превосходного спектакля сундукяновцев, мало потерявшего от того, что был он сыгран не на стационарной сцене, а в совхозном клубе. Не только Ольга Гулазян—все играли хорошо, вдохновенно: и неповтори-

мый Авет Аветисян, и ветераны наши Ованес Авакян, Мурад Костанян, Варя Степанян, и те, кто помоложе,—Метаксия Симонян, Анатолий Торгомян, Геворг Чепчян, Арсен Багратуни. Об одной удаче спектакля хочется сказать особо. Я имею в виду талантливое исполнение Тагуи Аюкян роли Нато, это удивительно точное попадание. Кстати, эту роль в любительском спектакле, который видел Сундукян, играла Ольга Гулазян. Да, да, в третьем действии того спектакля Саломе превращалась в Нато, а та снова в Саломе—в четвертом; в любительском спектакле это было можно. Ольге Николаевне нравится, как играет Тагуи...

После спектакля, пока актеры в общей комнате снимали грим, было много смеха. Выяснилось, что текст пьесы все-таки не был привезен. Помреж держал в руках... учебник арифметики для третьего класса. Ничего не подозревавшие актеры ни разу, кажется, не запнулись. Пуще всех смеялась Ольга Гулазян. Но все же она сказала строго Артюше: «Больше не смей этого делать!»

К. КАЛАНТАР.

Совхоз имени Кирова
Вединского района.

На снимках: слева—Ольга Гулазян гримируется; справа—в образе Саломе. Фото Немрута.